

УДК 82-13(5-01)
DOI 10.18101/2306-753X-2015-4-4-20

© Н. В. Абаев

О роли митраизма и героического эпоса тюрко-монгольских народов в формировании арийско-туранской цивилизации Внутренней Азии

В данной статье рассматривается вопрос о роли митраизма, как одной из древнейших ветвей религии ариев, и героического эпоса кочевнических тюрко-монгольских народов в формировании арийско-туранской цивилизации Внутренней и Центральной Азии, а также тибетской религии Бон и тэнгрианской религии протомонгольских и пратюркских народов, создавших евразийскую цивилизацию.

Автор считает, что именно кочевнические (номадические) прототюркские и протомонгольские народы, сыгравшие важную роль в распространении митраизма в западной части Евразии (в частности в Европе), сумели переработать и трансформировать религию древних ираноязычных ариев, существовавшую до зороастризма (т.е. «традиционный маздаизм» – от имени верховного божества Ахура-Мазды), в соответствии с религиозно-культурными традициями евразийского кочевничества, преобразовав одно из его самых своеобразных направлений – митраизм до такой степени, что он практически стал самостоятельной религией, тесно связанной с древними воинскими культами тюрко-монгольских пастушеских народов и с тюрко-монгольской формой тэнгризма, как религиозной основой арийско-туранской цивилизации.

Ключевые слова: митраизм, религия ариев, тэнгрианство, кочевническая цивилизация Евразии, героический эпос Гэсэр, гэсэриада, Ахура-Мазда, воинские культы, тюрко-монгольская форма тэнгризма, арийско-туранская цивилизация.

© N. Abaev

On the role of Mithraism and the heroic epic of Turkic-Mongol peoples in the formation of the Aryan-Turanian civilization in Inner Asia

This article discusses the role of Mithraism as one of the oldest branches of the religion of the western Iranian-speaking Aryans, tengrianskoy religion Turko-Mongols in the formation of the Aryan-Turanian civilization Inner and Central Asia.

The author believes that it is nomadic (nomadic) and proto-Turkic protomongolskie nations played an important role in the spread of Mithraism in the western part of Eurasia (particularly in Europe), were able to process and transform the religion of the ancient Iranian-speaking Aryans existed before Zoroaster (ie the “traditional Mazdaism” – the name of the supreme deity Ahura Mazda), in accordance with the religious and cultural traditions of the Eurasian nomadic, transforming one of its most unique destinations - Mithraism to such an extent that it practically became an independent religion, closely connected with the ancient cult of military Turko Mongolian pastoral peoples and the Turko-Mongolian form tengrizma as a religious foundation Aryan-Turanian civilization.

Keywords: Tengrian national religion, nomadic civilizations of Eurasia, the epic of the Gesar (Geseriada), Ahura Mazda, warriors cults, the Turko-Mongolian and Bulgarian religion of Tengrism, Aryan-Turanian civilization

Проблему этнокультурных и этногенетических взаимосвязей между сибирскими скифо-ариями и первыми тюрко-туранцами невозможно решить без рассмотрения вопроса об отношении так называемой *религии ариев*, в частности митраизма и зороастризма, к тюрко-монгольскому тэнгрианству и героическому эпосу кочевнических народов Внутренней и Центральной Азии. Как уже писал С. Г. Кляшторный, культ Неба как Верховного Божества был присущ «едва ли не всем древним кочевникам Центральной Азии независимо от этнической принадлежности» (Кляшторный, 1994, с.18).

На основе анализа рунических надписей С. Г. Кляшторный приводит много примеров того, что именно Тэнгри ниспосылал благодать или «приказывал» и побуждал к созданию и воссозданию государства тюрков. Само государство именуется в енисейской рунике «божественный эль». Йол-тэнгри – это путь, по которому кут - души постоянно находятся в пути, и который связывает Верхний и Средний миры, также, как каганы, обращаясь к Небу с вопросами и мольбами осуществляют обратную связь Среднего мира с Верхним (см.: Кляшторный, там же, с. 8-91). Здесь полностью отражен тэнгрианский концепт Пути Творца – Ак Жол, Йол Тэнгри, Айыы Суола и т.д. (Федорова, с. 229). С. Г. Кляшторный, говоря об общих основаниях тэнгрианско-евразийской цивилизации, отмечает: «Рассказывают же о них рунические каменные стелы Монголии, греческая эпиграфика дунайской Мадары и Мовзес Каганкатваци, албанский историограф» (Кляшторный, там же, с. 18).

Говоря о теснейших этнокультурных и религиозных связях между сибирскими скифо-ариями, монголоязычными племенами Приангарья и Прибайкалья, а также западными евразийцами, мы уже отмечали, что самые северные монголы – бурятские булагаты имеют гунно-булгарское происхождение и в этноконфессиональном отношении тесно связаны не только с венграми (считается, что они пришли в Европу вместе с западными гуннами в 4-ом веке н.э.), но и с болгарами, которые, вероятно, первыми принесли в Европу тэнгрианскую религию (Тангра), а также культ Митры, имя которого следует возводить к названию древнейшего солнечного божества скифо-саков и прототюрков - недаром в тюркских языках батор-багатур передается словом «маадар» (ср. тув. маадыр; бур.-монг. баатор; от скифо-арийского бога-тур, в нашей интерпретации – «бог-бык», «божественный бык», «священный бык», «небесный бык»; русск. богатырь), которое вошло в имя гуннского правителя-шаньюя - Батора-Тенрикута (бур.-монг. Модэ//Модунь).

На территории Болгарии возле города Шумен расположен высеченный высоко в скале барельеф так называемого Мадарского Всадника. Под сенью распростертых крыльев птицы в сопровождении собаки шествуют конь под Владетелем, по одной из версий на нем изображен хан Тервел, по другой фракийский бог. По нашей же версии болгарский богатырь символически изображает обобщенный образ центрально-азиатского эпического героя-

батора, воплощающего в себе черты Солнечного Небесного воинского божества Митры. Официально памятник датируют 6-7 веком н.э.

В этом смысле Болгария и символика ее «Мадарского Всадника» имеют огромное значение для выявления внутреннего духовно-культурного единства и целостности тэнгрианской цивилизации, обусловившей и внутреннее единство всей Евразийской Мегацивилизации, во многом спаянной общностью тэнгрианских ценностей. В основе этой символики лежит общеевразийский феномен *Тэнгри–Тангара*, тесно связанный с «кочевнической», т.е. пастушеской цивилизацией. Тюрко-монгольское название этого феномена «Вечное Синее Небо» *Тэнгри* (бур.-монг. Тэнгери; тув.Дээр, Кудай-Дээр; другие тюрские варианты имени – Хан-Тигир, Хан-Тенгир, Тегир, Хан-Тигр и др.), и его болгарский аналог *Тангара*, которые одинаково емко и полно воплощают в себе все безграничное поле понятий – универсальный космический Закон (или Путь) функционирования, развития и синергетического взаимодействия трех основных вселенских сил или сущностей –«Небо» - «Земля» - «Человек». Наиболее простым вариантом перевода теонима *Тэнгри–Тангара* является «Бог Небесный», «Отец Небесный», «Небо-Отец».

Древние болгары, как легитимные во всех отношениях наследники этой арийско-туранской цивилизации, смогли сохранить и донести до Европы многие достижения шумерской, бактрийской, согдианской, среднеазиатской эллинистической и скифо-сибирской, арийской цивилизации, как например, календарь, астрономию, астрологию, руническую письменность, традиции кочевнической политической культуры и государственности, но самое главное – митраизм (Абаев, 2015), первоначально возникший в архаической индо-иранской традиции и соединившийся с древнешумерским тэнгрианством, одним из верховных божеств которого был, как показал болгарский автор А. Илиев, Дингир-Тэнгир (Илиев, 2015).

В древнейшей индо-иранской мифологии культ Солнечного Бога Митры был тесно связан с еще более архаическим культом Небесного Быка, который на Ближнем Востоке претерпел длительную эволюцию от Лунного Быка до Солнечного Быка. В Авесте светоносный Бог Солнца и военной победы, а также «Хранитель» верности договору и дружеской клятве, Митра почитался как «Податель Света». «Митра означает в Авесте «верность, клятва» (как в санскритск. *митрам* – друг); поэтому отношение к Митре в Авесте однозначно с сохранением верности или клятве» (Шантепи де ля Соссей, т. 2, с. 168). В последние века до нашей эры в рамках традиционно-маздаистской ветви религии ариев, в которой верховным божеством был Ахура-Мазда (бур.-монг. Хормуст-Тэнгэри; алт. Корбустан; тув. Курбусту) формируется самостоятельная религия, получившая название «митраизм» или, иначе, «митризм», получившая распространение в эллинистическом мире, а со II-го века нашей

эры – по всей Римской империи вплоть до её самых западных окраин – Испании и Британии (см. Шантепи де ля Соссей, там же).

Об очень архаических тотемических корнях самого имени «Митра» и воинского титула багатур свидетельствует корнеслово «тур», обозначающее дикого быка, который был обожествленным тотемным предком скифо-ариев и гуннов, а затем стал божеством-покровителем воинской касты, а также военнизированных тайных религиозных обществ надэтнического (межплеменного, «общенационального») характера, в которых практиковались особые эзотерические (т.е. недоступные для непосвященных) культы сугубо военных божеств и специальные, «секретные» приемы и методы ведения рукопашного боя, искусство стрельбы из лука и фехтования и другие военно-прикладные искусства.

Наряду с культом Митры, тесно связанным с тюрко-монгольским культом героя-багатура, большое распространение среди членов тайных военных союзов и обществ как восточных скифов и других ираноязычных кочевников центра Евразии, так и тюрко-монголов, получил специфический воинский культ огнедышащего Небесного Змея-Дракона. В свое время еще Г. Н. Потанин, характеризуя одно из верховных божеств алтайцев – Кайракан (тув. Хайыракан), популярные у многих других тюрко-монгольских народов Саяно-Алтая, Центральной и Северо-Восточной Азии (тувинцев, монголов, бурят, калмыков, саха-якутов и др.), как небесного бога-громовника (Г. Н. Потанин, 1881, с. 37-325), отмечал, что камлание с бубном есть «представление грозового явления, звуки барабана есть подражание небесному грому» (Г. Н. Потанин, там же, с. 37).

Протоболгары, сыгравшие важную роль в распространении митраизма в западной части Евразии, в частности в Европе, сумели переработать религию древних ираноязычных ариев, существовавшую до зороастризма (ее называют еще «традиционным маздаизмом») - от имени верховного божества Ахура-Мазды) в соответствии с религиозно-культурными традициями евразийского кочевничества, преобразовав одно из его самых своеобразных направлений – митраизм до такой степени, что он практически стал самостоятельной религией, тесно связанной с древними воинскими культами тюрко-монгольских пастушеских народов и с тюрко-монгольской формой тэнгризма-тангризма, как религиозной основой арийско-туранской цивилизации.

Эта специфическая кочевническая форма митраизма является, на наш взгляд, не только западной ветвью тэнгрианства и зороастризма, как самой влиятельной и известной ветви религии западных, переднеазиатских, «ирано-персидских» ариев, оказавшей огромное влияние на христианство, но и важной составной частью тюрко-монгольского и евразийского тэнгрианства, имеющего общие корни с древнейшей религией сибирских, саяно-алтайских скифо-ариев и теле-уйгуров (известное во многих источниках «племя бога-

тырей», от «багатур»//бога-тур//богатырь, т.е. «Небесный Бык»), протохакасских азов и чиков (саков) – первоначального хорско-гурского субстрата, создавшего арийско-туранскую цивилизацию, как этнокультурное ядро всей центральной евразийской мегацивилизации.

Тургун Алмас отмечал, что еще 10 тыс. лет назад *племя богатырей* двинулось со своей исторической родины в бассейне р. Тарим на север, на Алтай и далее – по Саяно-Алтайскому нагорью продвинулось до Байкала, в результате чего и сложилась туранская, тюрко-монгольская общность Внутренней Азии (Алмас Т., 1993). В этногенетическом и этнокультурном отношении эта Прародина северных саяно-алтайских тюрко-монголов была тесно связана с Тибетом и древней Бактрией, название которой в свете вышеизложенного мы можем этимологизировать как «Багатурия», т.е. «Страна богатырей». Один из этих богатырей и изображен на Мадарском памятнике, который представляет собой центрально-азиатского *батора* в образе солнечного божества, о чем свидетельствует нимб (аура) вокруг его головы, ныне разрушенный.

В своей монографии «Ранние формы религии и этнокультурогенез тюрко-монгольских народов» (Кызыл: Изд-во ТывГУ, 2005) мы уже отмечали, что начальные этапы формирования номадической арийско-туранской общности можно примерно ограничить периодом 15-12 тыс. лет назад, в тот же период начинается формирование тэнгрианства и его различных этнокультурных вариаций, в том числе «религии ариев», а также Саяно-Алтайской «Белой Веры» (Ак-Чаян); примерно в то же время начинается и экспансия первых пастушеских племен протюрков, прамонголов и скифо-ариев из горно-таежной зоны Урало-Алтая в более степные и пустынные зоны Евразии, где они полностью переходят к классическому номадному скотоводству, т.е. «кочевой» цивилизации, распространяя по всей Евразии и ее окраинном различные локальные и региональные ответвления тэнгрианства как мировой религии (см. также: Абаев, 2005).

Судя по всему, именно древняя Бактрия, которая находилась на территории к югу от Памира и к северу от Индии, к западу от Тибета и к востоку от Ирана и Месопотамии, где возникла шумерская цивилизация, сыграла исключительно важную роль как ключевого аккумулирующего, трансляционного и передаточного центра между разными этническими культурами Передней, Средней, Южной и Внутренней Азии. В свое время Б. И. Кузнецов и Л. Н. Гумилев уже высказывали предположение, что добуддийская национальная религия тибетцев *Бон*, в сущности, представляющая собой этнокультурный вариант митраизма, получила распространение также и у арийско-туранских предков древних монголов и бурят, в результате чего традиции митраизма стали распространяться в Центральной и Восточной Азии (Гумилев, 1968, с. 31–38; Кузнецов, Гумилев, 1971, с. 72–90; Гумилев, Кузнецов, 1970).

Так, на расшифрованной авторами древней тибетской географической карте была обнаружена «страна Олмо», что является ни чем иным, как Эламом, под которым имелся в виду Иран времен Ахеменидов; на этой карте был также обнаружен город Пасаргады, в котором родился Шенраб, основоположник тибетской религии Бон, который согласно боннской традиции пришел с Запада, где и находился этот город. Удалось также установить, что начало возникновения бонского учения относится ко времени завоевания персами Мидии и Вавилона (эти эпизоды есть в тибетских источниках), т.е. ко времени Кира II. Согласно тибетским источникам, которые корректируются древними иранскими, бонское учение в Иране было почти полностью уничтожено Ксерксом (V в. до н.э.), которого тибетцы называют Кхриши, а также Шрихарша (др.-перс. Хшаярша). Удалось также разобрать одно темное место из биографии Шенраба, в которой говорится о том, что это сочинение было первоначально составлено в Эламе, где оно и было записано финикийскими буквами (см.: Гумилев, Кузнецов, 1969, с. 89—101; см. также: Гумилев, 1968, с. 31—38; Кузнецов, Гумилев, 1971, с. 72—90).

Таким образом, культ Митры, существовавший в древней религиозно-мифологической традиции индо-иранцев до их разделения, в результате взаимодействия с кочевническими этносами центральной части Евразии и с тибетцами, трансформировался в особое религиозное направление, которое оказало огромное влияние на национальную религию прототюркских народов и прамонголов, фактически став народной этноконфессиональной традицией гуннов-хунну, древних тюрков, бурят-монголов, уйгуров и др. При этом огромную посредническую роль в этом процессе сыграл героический эпос кочевнических народов Центральной Азии, в частности эпос Гэсэр, который получил распространение, как у древних тибетцев, так и у предков бурят-монголов и тувинцев. В результате этого Гэсэриада стала подлинным первоисточником тэнгрианско-митраистского мировоззрения и подобно Библии или Корану сыграла роль Священного Канона, в котором в особой мифопоэтической форме отразились религиозные, философские, этические, космологические и психологические принципы древнейшей религии ариев, тюрко-монгольского тэнгрианства, тибетского Бон и древнеболгарской религии Тангара.

Многие исследователи истории Северного Кавказа, в частности Дагестана, считают, что дагестанские гунны были частью савирских племен или частью сабиров//савиров и барсилов, в свою очередь принадлежавших к болгарским племенам. Однако достоверно установлено, что Прародина самих савиров (савыр // сабир // сибир // Шибир // Сумер // Сумеру // Сумбер // Шумер) находится в Сибири, точнее - в горной части Юго-Западной Сибири, т.е. Алтае-Саянском нагорье, где располагалась Священная Гора древних ариев (племена скифо-саков) Сумеру (бур.-монг. Сумбер-Уула); севернее и запад-

нее находилась Протоуральская родина угров, сыгравших важную роль в этногенезе западных гуннов, в частности предков современных венгров - аваров (кит. жужань//жуань-жуань; бур.-монг. Могэ+лу=Моголой, родоначальник жужаней).

В средние века эта территория к востоку и западу от Уральских гор в персидских и арабских источниках называлась «Ибир-Шибир», где под «Шибир» подразумевались индоевропейские предки «сибирских скифов» в широком смысле (т.е. скифо-саки, тохары, согдийцы и т.д.), в том числе те, которые ушли в Хорезм, Ариану-Иран, Причерноморье, Тибет (так называемые хоры) и Индию (индоскифское племя Будды Сакья-муни), и их преимущественно кочевническая часть, после грандиозного геополитического раскола на «Иран» и «Туран» ставшая общим «предком» тюрко-монголов (туранцев). А под «Ибир» подразумевались авары, фракийцы, древние евреи (Hebrew, потомки Авраама), а также скифо-арийские и прототуранские мифического царя Апрокса (др. вариант имени – Апрокса или, иначе, Афрасиаб).

При этом вплоть до эпохи гуннов-хунну (с начала 3-го века до н.э.) все эти этносы и суперэтносы в антропологическом смысле были индоевропейцами (кавказоидами), а незначительная монголоидность была привнесена гуннами-хунну и древними кыргызами (в основном – с юга, где происходило более интенсивное смешение западных и восточных гуннов, усилившееся после разгрома Империи Хунну; в эпоху Сяньби (протомонголы) эта монголоидная примесь стала усиливаться еще больше, в результате чего в регионе сложился специфический смешанный расовый тип. Усилению монголоидности способствовало также продвижение Саяно-алтайских прототюрков и прамонголов далее на Восток, Северо-Восток и на Дальний Восток, в процессе которого происходила антропологическая «тунгусизация» этих этносов, обусловленная смешением с тунгусо-маньчжурскими, палеоазиатскими и др. монголоидными народами Северо-Восточной Азии. Поэтому у протоболгар, которые двигались из Внутренней Азии в противоположном, т.е. в западном, направлении «монгольский ген» имеется в небольшом количестве – не более 3%, что соответствует общей генетической картине у русских и других восточных славян.

Наши предыдущие исследования показывают и наличие многих других общих этноконфессиональных и этногенетических истоков арийско-туранской цивилизации Центральной и Внутренней Азии. Например, Бичелдей У. П., основываясь на наших исследованиях, в докладе на 4-ой Международной тэнгрианской конференции в г. Улан-Батор (Монголия, 2013 г.) наглядно показала целостность тэнгрианско-буддийской цивилизации, ставшей ядром этнокультурной традиции современных тувинцев, бурят-монголов, калмыков, алтайцев и других тюрко-монгольских этносов Внутренней Азии, сохранивших преемственность культурно-религиозных традиций от сибир-

ских скифо-ариев, уйгуров, гуннов-хунну, монголов Чингис-Хаана (см.: Бичелдей, 2013; см также: Абаев, Опей-оол, 2009; Абаев, Фельдман, 2009). При этом исследовательница отметила и родство этнокультурных традиций древних ариев, создавших зороастризм, митраизм, буддизм и другие этнокультурные вариации тэнгрианства как мировой религии, которое было выявлено в наших предшествующих работах.

Так, ранее мы уже указывали на связь космологической системы «трех миров» с триальной организацией древних ариев, в том числе сибирских скифов, подтверждается генеалогическими мифами скифо-сакских племен, связанными и с генеалогическими преданиями и легендами как прототюрков, так и прамонголов (Абаев, 2009; см. также: Абаев, 2005). Согласно скифо-сакской мифологии, первым царем Скифии стал Колоксай – младший из трех сыновей предводителя скифов Таргитая, брат Липокся и Арпокся, прародитель рода паралатов (Абаев, 2005; Абаев, 2009). «Колоксай» трактуется как «Солнце-царь», поэтому имя Колокся приобретает космологическое звучание и потому позволяет видеть в нем воплощение верхней зоны мироздания. Только ему удастся овладеть упавшими с неба золотыми воспламеняющими предметами: плугом и ярмом, секирой и чашей, олицетворяющими три словные роды скифского общества (рядовых общинников, воинов и жрецов). Вследствие этому он становится первым скифским царем.

Согласно этой традиции, Таргитай разделил Скифию между своими сыновьями на три царства, в крупнейшем из которых сохраняются почитаемые золотые реликвии. Род паралатов, который соответствует древне-иранскому, как «предустановленные, поставленные впереди») происходит от Колокся. Он занимал высшее положение в трехчленной структуре скифского общества (цари и военная аристократия); в скифской цветовой символике им соответствует огненно-красные атрибуты Колокся, описанные В. Флакком (цит. по: Абаев, 2005).

В поэме римского поэта Валерия Флакка «Агронавтика» в качестве одного из персонажей действует скифский военный вождь Колак (тот же Колоксай). А на щитах отряда Колокся сверкают оттенки красного, который является олицетворением огней, блистающих молний, золотисто-красных крыльев. Между тем, как уже было установлено Ж. Дюмезилем, символическим цветом варны воинов был красный или золотисто-красный цвет огня. Это дает веское основание полагать, что Колоксай, младший брат, ставший царем, был кшатрием, т.е. воином (ср. тюрк.-монг. Хор-огуз – Ухэрогуз, Укерогуз, Кыргыз).

Что же касается старшего брата Липокся, предка рода авхатов, то его варновая принадлежность также выявляется при внимательном чтении поэмы В. Флакка. При этом Э. А. Грантовский обратил внимание на другого вождя скифов, седоволосого Авха (ср. тув. өгбе-предок, старец; бурят.-монг. абга-

дед, прадед, дядя). У римского поэта он носит сложный головной убор, в точности соответствующий головным уборам жрецов у древних иранских народов. Седую голову он имеет не случайно. «По индоиранской традиции, – писал Э. А. Грантовский, – основатель и бог военной касты родился с волосами и бородой указанных оттенков красного цвета. Соответственно Авх, очевидно, основатель греческой касты, от рождения имел белые волосы» (цит. по: Абаев, Опей-оол, 2009). Белый цвет у всех индоевропейских народов был цветом варны жрецов. Авх, или Липоксай, таким образом, брахман, а на долю среднего брата Арпоксая остается производство материальных благ, и он, стало быть, «труженник», что вполне может соответствовать понятию «арат» в тувинском, монгольском кочевническом обществе и понятию арий в широком смысле – как воин-пастух, исповедующий арийско-туранскую Солнечно-Небесную религию, т.е. Белую Веру как религию Света, одним из символов которой является белый цвет.

Арпоксай, в скифской мифологии – средний из трех сыновей Таргитая, брат Липоксая и Колокса, прародитель скифского рода катиаров и траспиев. Это имя трактуется как «владыка глубин», что в контексте имен других братьев приобретает космологическое звучание и позволяет видеть в Арпоксае, воплощение нижней зоны мироздания. У В. Флакка сохранилось указание на существование в скифском мифе мотива сражения между Арпоксаем (Апром) и Колоксаем (Абаев, 2009). При социальном толковании природы членения скифского общества на возводимые к Арпоксаю-Апроксаю и его братьям родов, по мнению некоторых ученых в потомках Апроксая следует видеть рядовых общинников, что подтверждается положительным толкованием их названий: «катиары и траспии» – «земледельцы и коневоды».

Особый интерес для выявления этногенетических истоков древних предков тюрко-монгольских народов Саяно-Алтая и их связей с монголами Чингис-Хаана представляет самый старший брат, прародитель скифского рода авхатов, выполнявших жреческие функции (т.е. брахмана, «шамана», «кама»). Согласно скифской мифологии, после неурочной попытки овладеть упавшими с неба золотыми священными предметами, Липоксай (Рипоксай) уступил владычество над Скифией младшему брату Колоксаю, который, судя по всему, фактически стал правителем лишь западной части скифской державы, т.е. Северным Причерноморьем. Эту версию можно поддерживать, сравнивая греческое название этой страны «Таврия» – «страна быков», что равнозначно самоназванию Осетия – «страна народа быков», т.е. осетинов, или иначе аланов. Аланы считаются самыми прямыми потомками причерноморских скифов. Существует мнение, что предки аланов до своего пришествия на Северный Кавказ и в Восточную Европу жили в Центральной Азии, и, возможно, в горах Саяно-Алтая.

Какой же частью империи правил сам Липоксай и откуда, собственно говоря, пришли причерноморские скифы, саки, аланы (осетины) и другие воинственные «кочевники» арии? На этот вопрос дает ответ само имя старшего брата, однокоренное название с названием мифических Рипейских (Рифейских) гор, якобы расположенных у северных (точнее, северо-восточных) пределов обитаемой земли, т.е. Гипербореи, где по данным Геродота и других античных авторов, жили «люди с песьими головами и оленьими ногами» (ср. зимний наряд тувинцев-тоджинцев). В древнерусской религиозно-мифологической традиции Рипейские горы ассоциировались то с Карпатами, то с Уральским хребтом, возможно, с Алтаем. В античной и западноевропейской – с Альпами, Кавказом и Гипербореей, которая, якобы, находилась на севере, северо-востоке от основной части скифской империи, т.е. значительно восточнее и (или) севернее Уральских гор и Алтая. А это как раз приходится на Саяны, особенно – на Восточные Саяны и Тоджу, а также на запад этнической Бурятии и северо-запад Монголии (т.е. на историческую родину прото-монголов.

По другому, имя Липоксай объясняется как «гора-царь» и является воплощением средней зоны космоса. Однако, под «средней зоной» мироздания может подразумеваться центральная часть Евразии, населенная азами (асами-ясами-осетинами), произошедшими от древне-хакасских племен хасхакска и этногенетически связанными с центральноазиатскими тюрками-огузами. На этногенетические связи племени авхатов Липоксая, с тюрко-монгольскими народами Центральной Азии указывают также и историко-лингвистические исследования в области индоевропейского, алтайского и протоуральского, а также ностратического языкознания. Возможна также интерпретация имени Липоксай как «Царь Волков» (от лат. *Lupus* – Волк), а это связывает данного персонажа с саяно-алтайским «народом волков» (четтибюр) и с бурят-монгольскими «волчьими» родами, от которых произошел род Небесного Волка предков Чингис-Хаана – борджигин.

Среди многих этнонимов, эпонимов и топонимов этого ряда прослеживается неизменное указание на горы и горно-таежную местность, находящуюся к северу от Великой Степи, т.е., опять же, на Алтай, Саяны, далее на Урал. На это указывают слова типа, «Сумеру» (тув. «Сумбер»; монг. «Сумбер»). Учитывая вышеизложенное, можно смело предположить, что Евразийская «кочевая» цивилизация первоначально возникла в горно-таежной, лесостепной зоне Южного Приуралья, растянувшегося до Саяно-Алтайского и Северо-Западной Монголии. При этом важную роль в переходе с арийско-туранской этнокультурной общности к кочевнической цивилизации сыграло тэнгрианство, в которой наряду с культом Неба особенно важное место занимал культ священных гор. Это было в значительной мере связано также и с горным ландшафтом исторической родины народов тэнгрианской цивилиза-

ции и культуры, которую, таким образом, можно рассматривать и как Прародину самого тэнгрианства.

Об этом же свидетельствует, по мнению А. А. Соскала, недавние исследования вулканологов и генетиков, на основе которых автор выдвинул так называемую «вулканическую» теорию возникновения тэнгрианства в Восточной Туве (Одуген-Тайга) [см.: Соскал А-Б. А. Генофонд саянидов как культурное достояние тувинского народа. 1-4 октября 2015 г. IV Международная научно-практическая конференция «Биоразнообразие и сохранение генофонда флоры, фауны и народонаселения Центрально-Азиатского региона». – Кызыл – с. 37-40]. Эта концепция представляет большой интерес в связи с дискуссиями о времени и месте возникновения тэнгрианства. Как утверждает А. А. Соскал, генезис тэнгрианской мифологии древнейших предков тюрко-монгольских народов Саяно-Алтая, в частности возникновение мифологемы «Одуген-Тайга», как собирательного образа Матери-Земли, было обусловлено вулканической деятельностью в Восточной Туве и особенно - в Тоджинской котловине, где и находится сакральная территория вокруг самой священной для всех тувинцев горы под названием *Одуген-Тайга*, которая по сути представляет собой ряд горных вершин, поросших лесом.

По мнению А. А. Соскала, именно активная деятельность вулканов в горах Восточного Саяна послужила основой для возникновения мифологических представлений о синергетической связи между стихиями подземного огня, который порождает Эрлик-Хаан, правитель подземного мира, и который вместе с расплавленной лавой вырывается через жерло вулкана, вступая в творческое взаимодействие с Небесным (Космическим) огнем и тем самым соединяя Землю-Мать с Небом-Отцом, священный союз между которыми и порождает Человека, как третий элемент тэнгрианской триады. А этот «Тройственный союз» главных космических сил и сущностей и является основой основ тэнгрианского мировоззрения, что вполне согласуется со взглядами современных отечественных и зарубежных тэнгриведов (Аюпов Н. Г., Абаев Н. В., Федорова Л. В., Бира Ш., Дашням Л. и др.) на основополагающие структурно-функциональные элементы тэнгрианства, среди которых фигурируют также культ Огня и культ Священных Гор.

Гипотеза А. Соскала согласуется также с точкой зрения современных вулканологов о том, что последние извержения вулканов на территории Тувы датируются временным периодом ок. 7 тыс. лет назад, а это соответствует взглядам ученых-тэнгриведов относительно времени возникновения тэнгрианства, которое примерно определяется эпохой перехода от палеолита к неолиту (в конце мезолита 10-7 тыс. лет назад происходит потепление, появляется скотоводство и земледелие, затем наступает неолит 6-5 тыс. лет назад, во время которого в Тоджинской котловине на берегу озер Азас и Ходжир-хол существовала древняя *Танмакская* стоянка, датируемая эпохой неолита).

Привлекая данные генетических исследований, автор утверждает, что сложившийся в Саяно-Алтае этногенетический тип «саянидов», наиболее близок по своему генному набору к современным тувинцам и сойотам, а также к «америндам», т.е. американским индейцам, что позволяет ему проводить определенные культурологические параллели между этими этносами, в частности в области их религиозных верований и культов. Кроме того, автор увязывает мифологему «Одуген-Тайга» с возникновением у прототюрков и прамонголов горного дела, т.е. с плавкой и обработкой металлов, особенно – с железоделательным мастерством, которым славились все тюрко-монгольские народы (Соскал, 2015). А это позволяет также увязать концепцию происхождения тэнгрианства с другой очень важной для этнокультурогенеза тюрко-монгольских народов мифологемой «Эргенекон» (бур.-монг. «Эргунэ-Хун»), как Прародины всех тюрков и монголов, которая, таким образом, определено может располагаться в Восточной Туве и которая непосредственно связана и с Прародиной их национальной религии, т.е. тэнгрианства, о чем мы уже неоднократно писали в своих предыдущих работах (см., например: Абаев Н. В. Ранние формы религии и этнокультурогенез тюрко-монгольских народов. Кызыл: Изд-во ТывГУ, 2005; Абаев Н. В. О прародине всех тюрков и монголов: «Эргенекон», «Эргунэ-хун» или Танну-Урянхай? <http://forum-eurasica.ru/>; Абаев Н.В. Урало-Алтай и Транс-Саяния – прародина татаро-монголов и тэнгрианства как мировой религии. <http://tatarkam.livejournal.com/>).

В связи с этим, мы должны отметить, что работы А. Соскала в данном направлении в методологическом и фактологическом отношении в целом правильно отражают основные идеи, которые были заложены в наших предыдущих историко-культурологических, религиоведческих и этнологических исследованиях, но, вместе с тем, приводят новые дополнительные аргументы из других негуманитарных наук, в частности генетики, биологии и вулканологии. Так, например, получила неожиданное подтверждение наша концепция о связи с тэнгрианством так называемой «огненной природы» монголов (подробнее см. Л. Л. Абаева, 2011), которая, как видим, имела уже в генотипе урянхайских предков как всех тюрков, так и монголов Чингис-Хаана, т.е. «хребетных монголов», которые состояли из саяно-алтайских ойратов и урянхайцев. «Вулканическая теория» помогает также объяснить, почему в воинских культурах древних ариев и туранцев очень важную роль играл культ Огненного Небесного Змея-Дракона, который почитался в тайных воинских союзах и обществах как Бог войны.

Результаты сравнительного анализа культа «Неба» в традиционном Китае и в этом регионе самого раннего бытования и распространения тэнгрианства, который связан с жизнью и деятельностью монголоязычных и тюркоязычных народов (Внутренняя Азия, в особенности – Саяно-Алтай), тоже подтверждают теорию о южно-сибирском происхождении как тэнгрианства, так

и самого феномена евразийского пастушества. Кроме того, они доказывают, что у теонимов «тянь» и «тэнгэр», «тэнгри» общие истоки (Абаев, Фельдман, 2009). Как известно, один из важнейших терминов религии и философии традиционного Китая «тянь», обозначающий «небо», представлял собой смысловую и сущностную многозначимость. Здесь имеются значения и «природа», и «бог», «и божество», и «сезон», и «день», «дневной свет», из чего могло возникнуть представление о «божестве света», сопоставимого с Верховным божеством национальной религии древних евреев – Яхве (Иегова), а также о «Боге Солнца» в религии древних ариев Хор-Мазд, Митра (ср. тув. Курбусту).

В древнекитайской концепции «Неба-тянь», так же как и центрально-азиатское тюрко-монгольское понимание «Неба-тэнгри», понималось как представление о «верховном божестве», мужском сверхъестественном начале, «супер-силе», несущей в себе весь набор качественных характеристик, «тяготеющих» к монотеизму. Исключительно важное значение в обеих культурно-религиозных традициях имели также представления о верховном правителе как о «Сыне Неба», которому Небо-Отец делегирует часть своих функции (Абаев, Фельдман, 2009). Наше определение китайского тэнгризма как «тяготеющего к монотеизму», тем не менее, опровергает существующее в современном тэнгриведении мнение о правомерности определения тэнгрианства как сугубо монотеистической религии, или противоположного утверждения, что под «религией Вечного Синего Неба» подразумевается «политеизм» и «обыкновенный шаманизм». Скорее наоборот, мы воздерживаемся от безоговорочного определения этого учения как монотеистического и придерживаемся более взвешенного определения - «диалектический монизм с акцентом на понятии Единого как Абсолюта, объединяющего все противоположности, в том числе противоречие между монотеизмом и политеизмом, снимая это противопоставление в диалектике синергетического взаимодействия всех дуальных противоположностей, на уровне Абсолюта, который содержит в себе и гармонизирует все дуальности, будучи сам принципиально не-дуальным, а потому его нельзя назвать ни монотеизмом, ни политеизмом, но можно назвать Тенгри (тув. Дээр – «находящийся наверху», т. е. Всевышний), который по определению находится «над» всем феноменальным миром со всеми его противоположностями и оппозициями».

Выявленные параллели и взаимосвязи позволяют также сделать некоторые предположения об историко-генетических связях между культом неба в Китае, древнекитайским даосизмом и тюрко-монгольским тэнгрианством, которые подтверждаются общностью этимологии китайского иероглифа «Дао» и саяно-алтайских петроглифов, обозначающих «Оленя Золотые Рога», как главного тотемного божества древних скифов и тюрко-монголов, отраженного в культе Матери - Прародительницы Алан-Хоо (Алан-Гоа – Мать-Оленуха,

или Марал-Гоа). Таким образом, исходя из вышесказанного, можно утверждать, что тюрко-монгольское тэнгрианство представляет собой культурно-исторический вариант арийско-туранской «Небесно-Солнечной» религии, сформировавшейся именно в горно-таежной зоне Южной Сибири на основе космологической системы аборигенных этносов, где культ гор играл исключительно важное место. В связи с древними вулканами Тоджи и митраизмом уместно будет напомнить миф о Солнечном божестве, которое по утрам восходит из жерла вулкана на небо верхом на олене, чтобы вечером через тот же вулкан вернуться в подземный мир. На наш взгляд, этот миф является древнейшим тэнгрианским архетипом эпохи арийско-туранского единства, сибирские скифо-арии населяли Туву и смешивались с автохтонным населением, в частности с самодийским, в результате чего и сформировался антропологический тип тувинцев-тоджинцев, который унаследовал также гены саянидов.

В связи с этим интерес представляет также теория академика Ш. Бира, согласно которой культ Неба был привнесен в древний Китай племенами чжоу, которые первоначально были типичными центрально-азиатскими кочевниками, и пришли с Запада, создав одноименную династию. Это вполне согласуется с концепцией о генетических связях религии ариев, в частности и в особенности – митраизма, как ее особой ветви, и тюрко-монгольского тэнгрианства с национальной религией тибетцев Бон, в свое время выдвинутой Л. Н. Гумилевым и Б. И. Кузнецовым.

Предположение о влиянии Бон на китайский культ Неба явилось еще одним подтверждением теории о существовании единого центра формирования кочевнической цивилизации, в котором еще раньше, т.е. до перехода сибирских охотников к кочевничеству, сложился общий ностратический праязык и возникает общая небесно-солнечная, т.е. тэнгрианско-арийская религия. Вместе с тем, заслуживает внимание и наше предположение о том, древне-китайский тэнгризм сложился на основе взаимодействия и синтеза двух самостоятельных, но родственных этноконфессиональных традиций общей арийско-туранской религии, одним из центров которой была Южная Сибирь и Протоуралия (возможно, этот центр этнокультурогенеза был самым ранним и этногенетически связанным с Тазминской культурой Хакасии, с одной стороны, и Ботайской культурой Северного Казахстана), а другим центром – Памирско-Ферганская долина с прилегающими к ней этнокультурными ареалами древнего Тибета, в свою очередь связанными с территориями древней Бактрии, Элама, Мидии, Шумера и Циркумпонтийского треугольника Р. Нейковой (Нейкова, 2013), к которому примыкает и Болгария.

Литература

1. Абаев Н. В. Ранние формы религии и этнокультурогенез тюрко-монгольских народов. – Кызыл: Изд-во ТывГУ, 2005.
2. Абаев Н. В. Цивилизационная геополитика народов Алтай-Байкальского региона и Центральной Азии. – Кызыл: Изд-во ТывГУ, 2007.
3. Абаев Н. В. Тэнгрианский культ священных гор в связи с генеалогическими мифами скифов. – «Социальные процессы в современной Западной Сибири. Сборник научных трудов. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2009.
4. Абаев Н. В. О прародине всех тюрков и монголов: «Эргенекон», «Эргунэ-хун» или Танну-Урянхай? <http://forum-eurasica.ru/>.
5. Абаев Н. В. Урало-Алтай и Транс-Саяния – прародина татаро-монголов и тэнгрианства как мировой религии. <http://tatarkam.livejournal.com/>.
6. Абаев Н. В. О чем поведал Мадарский всадник участникам V-й Международной конференции по тэнгрианству в Болгарии (г. Варна).- <http://tengrifund.ru/madarskij-vsadnik.html>
7. Абаев Н. В. Тэнгрианско-митраистская символика Мадарского всадника в Болгарии в контексте евразийских связей //Евразийская парадигма России: ценности, идеи, практика. Мат-лы междунар.науч. конф., посвящ. 20-летию Бурятского гос.ун-та (Улан-Удэ, 30 сент. - 1 окт. 2015г.). – Улан – Удэ: Изд-во БГУ, 2015.
8. Абаев Н. В., Опей-оол У. П. Тэнгрианство, буддизм и экологические культы в Центральной Азии и Транс-Саянии. – Кызыл: КЦО «Аныяк», 2009.
9. Абаева Л. Л. Этническая культура монгольских народов в контексте буддийских традиций и современной науки // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 6 Философия, социология, политология, культурология.- Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011.
10. Abaeva L. Religious identity of indigenous peoples in Central Asia and Siberia in the modern time. - Karadeniz. Black Sea. - Vol. 19, 2013.
11. Абаев Н.В., Фельдман В.Р. Древнекитайская концепция «неба» и «тэнгри» у тюрко-монголов. – «Социальные процессы в современной Западной Сибири. Сборник научных трудов. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2009.
12. Аверьянов Б. В., Абаев Н. В. Митраизм в символике Мадарского всадника (по материалам 5-й международной конф. по тэнгрианству в Болгарии) // Межкультурная коммуникация: основы дидактики. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015.
13. Бакалов Г., Владимиров Г. Болгары. Съединение то прависилата (Единство права и силы). – София: ТанграТанНакРа ИК, 2013.
14. Бичелдей У. П. Тюрко-монгольское тэнгрианство как культурно-исторический вариант арийско-туранской «небесно-солнечной» религии. – Тэнгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность. 4-я Межд. науч.-практич. конф. (09-10 октября 2013г., г. Улан-Батор, Монголия.
15. Гумилев Л. Н. Древнемонгольская религия // Доклады Геогр. Об-ва СССР. - Вып. 5. - Л., 1968.
16. Гумилев Л. Н., Кузнецов Б. И. Две традиции древнетибетской картографии // Вестник ЛГУ. - № 24, 1969.
17. Илиев А. Л. Тангра и болгары // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность. Материалы 4-ой Межд. науч.-практич. конф., 09-10 октября 2013 г. - Улан-Батор, 2013.
18. Илиев А. Эпос Гильгамеша как источник мифологического и исторического доказательства существования шумерского бога Нин-Дингир, прадеда Тэнгрианства. Материалы 5-ой Межд. науч.-практич. конф., 20-25 сентября 2015 г. Варна (Болгария). – София: БЪДНИК, 2015.
19. Кляшторный С. Г. Древнетюркские племенные союзы и государства Великой Степи // Степные империи Евразии. - СПб., 1994.

20. Коваль А. С. Симаргл или Василевс (Посланник между небом и землей). - Материалы 5-ой Межд. науч.-практич. конф., 20-25 сентября 2015 г. Варна (Болгария). – София: БЪДНИК, 2015.
21. Кузнецов Б. И., Гумилев Л. Н. Бон (древняя тибетская религия) // Доклады Геогр. об-ва СССР. - Вып. 15.- Л., 1971.
22. Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. – Новосибирск, 1989.
23. Нейкова Р. «Не унижайте наших богов...» // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность. Материалы 4-ой Межд. науч.-практич. конф., 09-10 октября 2013 г. – Улан-Батор, 2013.
24. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб., 1881.
25. Соскал А-Б. А. Генофонд саянидов как культурное достояние тувинского народа. 1-4 октября 2015 г. IV Международная научно-практическая конференция «Биоразнообразие и сохранение генофонда флоры, фауны и народонаселения Центрально-Азиатского региона». – Кызыл, С. 37-40.
26. Федорова Л. В. Сакральное в идеологии евразийства: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2013.
27. Шантепи Д. П. де ля Соссей. Иллюстрированная история религии. Т. 2. – М., 1899.

Абаев Николай Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией цивилизационной геополитики Института Внутренней Азии, Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ, e-mail: kol-bugra@yandex.ru

Abaev Nikolai V. – Doctor of History, Professor, the Head of Laboratory of Civilizational Geopolitics, Inner Asia Institute, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: kol-bugra@yandex.ru